

Лян Хуань, сжав губы и моргнув глазами, полными жалости, умоляюще произнёс:

— Пожалуйста, добавьте в закладки, умоляю вас...

Чэнь Шучжи склонился в поклоне, касаясь лбом земли, и произнёс слова просьбы, но его тон был ледяным:

— Пожалуйста, не спрашивайте, оставьте мне хоть немного достоинства...

Лян Хуань не понял его слов, не зная, какая связь между отъездом из столицы и достоинством. Но он знал, что если Чэнь Шучжи так сказал, то продолжать расспросы было бы неуместно.

Его смутила почтительность Чэнь Шучжи, и он подошёл, чтобы поднять его. Когда он коснулся его руки, то почувствовал едва уловимую дрожь.

Лян Хуань решительно повёл его во внутренние покои, усадил за стол и сам сел рядом, достал из стопки бумаг несколько сложенных листов и протянул их Чэнь Шучжи.

— Если у тебя нет срочных дел, останься и помоги мне. Я только начинаю, мне страшно, хочется разделить с кем-то заботы, но доверять могу только тебе.

Чэнь Шучжи слушал эти слова, понимая, что доверие должно быть чем-то тёплым, но он уже потерял возможность чувствовать это тепло от этого человека.

Дрожащими руками он развернул бумаги, на которых были написаны имена, за которыми следовали места рождения, семьи и даже связи каждого человека — практически все их отношения.

Присмотревшись, он заметил несколько знакомых имён — это были те, кто сидел с ним за одним столом на вчерашнем банкете.

Когда он закончил читать, Лян Хуань неспешно объяснил:

— Твоё сочинение на экзамене было осторожным, но ты, конечно, знаешь, что главный виновник — Оуян Цин. Чтобы противостоять ему, нужна сила, способная с ним справиться. Признаюсь, за столько лет у меня нет ни одного надёжного человека, поэтому я обращаюсь к вам. Здесь все, кто прошёл в Академию Ханьлинь, кроме тебя.

— Конечно, выбираем тех, у кого чистая репутация, поэтому нужно проверить каждого. Тебя, естественно, проверять не нужно.

— Ты обязательно должен помочь мне, больше не уходи!

Чэнь Шучжи уже знал, что уйти не получится. Если Лян Хуань просит его остаться, он не сможет уйти. Сцепив руки, он машинально ответил, как считал правильным:

— Благодарю за ваше доверие, если вы нуждаетесь во мне, я готов пойти на всё.

Лян Хуань усмехнулся:

— Какое «пойти на всё»? Я же не буду тебя подставлять. Сначала придётся пожертвовать другими, чтобы защитить тебя.

На такие слова Чэнь Шучжи мог лишь ответить сдержанной улыбкой.

Удержав его, Лян Хуань почувствовал облегчение и с энтузиазмом предложил:

— Ты говорил, что в столице тебе негде жить. У моих друзей есть усадьба за городом, там много свободных комнат. Я могу попросить одну для тебя? Всё равно они пустуют, денег не надо.

— Не нужно... — Чэнь Шучжи сразу же отказался.

Лян Хуань, услышав очередное «не нужно», нахмурился и с упрёком сказал:

— Что бы я тебе ни предлагал, ты всегда отказываешься. Чэнь Синли, мы ведь спали на одной кровати, неужели ты больше не считаешь меня другом?

Слова вроде «спали на одной кровати» уже не могли ранить Чэнь Шучжи, но ответить на этот вопрос было слишком сложно. Долго думая, он так и не нашёл подходящих слов, лишь отвернулся и пробормотал:

— Я не могу так думать, это не по правилам.

— Надоело! — вдруг крикнул Лян Хуань, но его голос звучал не как гнев, а скорее как жалоба.
— Может, хватит так говорить? В комнате только мы двое, кому ты это показываешь?

Чэнь Шучжи не осмелился встретиться с его взглядом, лишь опустил голову, но его голос оставался спокойным:

— Я никому не показываю, так и должно быть.

Только так он мог найти подходящую позицию рядом с ним, не вызывая недоразумений, как раньше.

— Ты так хочешь? Хорошо, тогда я найду тебе жильё, это моё дело, и ты не смеешь отказываться!

Чэнь Шучжи лишь тихо ответил:

— Да.

Видя, что на все его слова он реагирует одинаково, Лян Хуань почувствовал себя неловко. Он подошёл ближе, схватил его за руку и, подняв голову, пожаловался:

— Синли, я не ожидал, что ты станешь таким. Мне больше нравилось, как ты был раньше. Я помню, как ты однажды тайно поцеловал меня... Было бы лучше, если бы ты был менее сдержанным.

Глаза Чэнь Шучжи покрылись ледяной плёнкой. Он злился, не понимая, как Лян Хуань может так бесстыдно говорить такие вещи. Неужели он не чувствует ни капли раскаяния?

Но он быстро понял, что злиться не стоит. Злость означала, что он ещё не отпустил прошлое, а он должен был сделать это, ступив на корабль.

Его взгляд снова упал на лицо Лян Хуаня. Его чистые глаза и едва уловимая улыбка на губах по-прежнему были привлекательны, но это лишь говорило о том, что он хорош, и больше не имело к нему отношения.

С этого момента этот человек был лишь правителем, которому он должен служить, и ничего больше.

С этой мыслью все лишние идеи ушли, и он осторожно высвободил свою руку, встал на колени перед ним и серьезно сказал:

— В прошлом я был глуп и непочтителен к вам, прошу прощения.

Он считал это самым подходящим ответом, ожидая, что Лян Хуань рассердится, но вместо этого услышал лишь разочарованный голос:

— Ладно, у меня больше нет дел. Если ты не хочешь говорить, я не буду спрашивать. Иди отдыхать. Обычно ты спишь до полудня, а сегодня встал так рано...

Чэнь Шучжи уже не мог думать о смысле его слов, лишь услышал, что ему разрешили уйти, и сразу же встал, выполнив все необходимые церемонии, прежде чем уйти.

Наблюдая, как его фигура исчезает из виду, Лян Хуань почувствовал странную пустоту.

Вчера, услышав, что он уезжает, он запаниковал. На самом деле, ничего не зависело от него. Хотя он и хорош, но не незаменим. Если он действительно хочет уехать из столицы, нет причин его удерживать.

Но мысль о том, что он может уехать навсегда и больше никогда не увидеть его, была невыносимой, хотя он и не понимал почему. Поэтому, независимо от причины, он должен был сначала удержать его.

Лян Хуань совсем не понимал, откуда взялась эта странная настойчивость.

*

Через пять дней все новые цзиньши собрались в Императорском училище, стоя на коленях у входа и слушая императорский указ.

По традиции, первые десятки человек, сдавшие экзамен, получали звание «кандидата в Академию Ханьлинь». Это звание не было официальной должностью, а означало, что они будут учиться в Академии Ханьлинь три года, после чего, в зависимости от результатов экзамена, получат назначение.

Остальные цзиньши получали различные должности, либо мелкие чины восьмого или девятого ранга в столице, либо должности уездных начальников в провинциях.

Среди них выделялась должность одного человека — Ван Цяня, цзиньши из Юнчжоу, занявшего последнее место в третьем разряде. Ему была назначена должность архивариуса в Академии Ханьлинь.

Должность архивариуса была невысокой, всего лишь восьмого ранга, даже ниже, чем уездный начальник. Но по обычаю, кроме первых десятков кандидатов, остальные не имели права попасть в Академию Ханьлинь. Ван Цянь, занявший столь низкое место, смог получить должность в Академии, что вызывало зависть.

*

Утром, в час Чэнь, новые кандидаты начали прибывать в Академию Ханьлинь. В главном зале

уже были расставлены места, и служитель пригласил их войти, сказав:

— Директор ещё не пришёл, садитесь, как хотите, подождите немного.

Хотя было сказано «как хотите», единственным, кто действительно сел, как хотел, был нынешний лучший цзиньши Сюй Гун. Он, не обращая внимания на других, уселся в центре первого ряда. Однако никто не возражал, ведь он был лучшим, и ему можно было сидеть где угодно.

Чэнь Шучжи смотрел на этого юношу с приподнятыми бровями и лёгкой улыбкой. В последние дни, слушая разговоры о нынешнем лучшем, все говорили, что он из семьи учёных, воспитан и благороден, но в реальности он казался другим.

Остальные толпились в задних рядах, но места не хватало, и они уступили место Янь Вэйхану, занявшему третье место. Его выбрали, потому что, хотя все были молодыми талантами, ему уже было сорок три года.

На лице Янь Вэйхана было много мелких морщин, а в глазах читалась некоторая усталость. Он не церемонился, сев рядом с Сюй Гуном.

Авторские комментарии: Лян Хуань, сжав губы, моргнул глазами, полными жалости, и умоляюще сказал: Пожалуйста, добавьте в закладки, умоляю вас...

<http://bllate.org/book/16213/1455810>